

НА ЧТО СПОСОБНА УМНИЦА

САЛЛИ
НИКОЛС

МИФ
ПРОЗА

18+

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Февраль 1914 года	9
Август 1914 года	167
Март 1915 года	229
Октябрь 1915 года	267
Июнь 1916 года	307
Март 1917 года	375
Февраль 1918 года	411
Историческая справка	421
Благодарности	425
Примечания	427

СТРАННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ У ТЕАТРА

— Вы говорите мне, что женщины безвольны! Твердите, что женщины слабы духом, глупы и невежественны и годятся лишь на то, чтобы сидеть дома и растить детей. — Дама на ящике из-под апельсинов сделала паузу и добавила: — Не очень-то справедливо по отношению к детям, верно?

В толпе засмеялись. Ивлин, которую всегда тянуло к суфражисткам, попросила Тедди: «Задержимся на минутку, ладно?» — и тот сразу остановился.

Какой-то мужчина выкрикнул:

— Место женщины дома! Вы что, против?

— *Место* — да. Но не ее *тюрьма*. С таким же успехом можно сказать, что место мужчины — контора, и отобрать у него право голосовать.

Снова смех. На этот раз Ивлин смеялась с остальными.

— Ой ладно! — подал голос немолодой джентльмен весьма апоплексического вида. — Женщине незачем голосовать! За нее голосует муж, а если она недовольна его выбором, так у нее есть сотня способов убедить его передумать. Вот оно, истинное влияние женщины, и избирательная урна тут ни при чем.

— Да неужели? — Суфражистка наслаждалась. Это было очевидно. — Довольно-таки жестоко по отношению к незамужним женщинам и вдовам, не так ли? Не говоря уже о мужьях. — Новый взрыв смеха. — Сомневаюсь, что ваши взгляды на истинное влияние женщин лестны для представителей обоих полов.

Молодая женщина в меховой шубке пробиралась сквозь толпу и остановилась недалеко от Ивлин.

— О-о! — простонала незнакомка, обращаясь к своему спутнику. — По-моему, эти женщины совершенно несносны. Разве леди может прийти в голову кричать в присутствии посыльных, стоя на дурацком ящике?

Ивлин возмутилась, открыла было рот, но Тедди коснулся ее руки.

— Не горячись, — сказал он и прежде, чем Ивлин успела заспорить, кивнул в сторону суфражистки на ящике. — А у нее неплохо получается, верно?

— По-моему, она великолепна, — заявила Ивлин.

— Ведь правда же, да? — откликнулась другая суфражистка — одна из тех, которые стояли перед толпой, раздавая листовки. Этой с виду было лет двенадцать. Длинные волосы под плоским клетчатым беретом распущены, улыбка до ушей. — Листовку не хотите? На следующей неделе у нас будет митинг у Альбертхолла — обязательно приходите, если вам интересно. Об этом написано в «Голосах женщинам» — стоит всего лишь пенни.

— Хорошо, — кивнула Ивлин, роясь в сумочке. Тем временем женщина на ящике из-под апельсинов доказывала слушателям несправедливость британских

законов о разводе. Ивлин взяла купленный номер и нахмурилась, разглядывая первую полосу.

— Послушайте, — внезапно обратилась она к девушке, — вы, суфражистки, считаете, что у девушек должна быть возможность делать всё то же, что позволено мужчинам, правильно? Жить самостоятельно, получать дипломы об образовании, и... словом, что угодно. Верно?

— Боже! — громко высказался Тедди.

— Да, да! — согласилась девушка. — Но первый шаг — избирательное право. А остальное приложится, когда мы получим право голосовать, будем добиваться остального: государственных сиротских приютов, пенсий по старости и всякого там. — Ее бледное личико раздумянилось. — Знаете, как только женщины смогут голосовать, войны прекратятся раз и навсегда. Какая женщина согласится, чтобы ее сыновей посылали на убой?

— Вы, судя по всему, — сказал Тедди, — не знакомы с моей тетушкой Гвладис. Ивлин, родители наверняка уже гадают, куда...

За их спинами возмущенно взревела толпа. Ивлин обернулась. Суфражистка с ящика была явно чем-то потрясена, она держалась за щеку, приоткрыв рот. И вот уже на глазах у Ивлин в нее что-то бросили, суфражистка пригнулась, и снаряд пролетел мимо. Чистильщик сапог и продавец горячих каштанов, промышляющие по краю толпы, победно заулюлюкали.

Апоплексический джентльмен воскликнул:

— Прекратите, кому говорят! Как вы обращаетесь с дамой?

Продавец каштанов скорчил страшную рожу.

— Да иди ты! — И продолжал орать, обращаясь к женщине на ящике: — Будь ты моей женой, отведала бы у меня палки!

— Ивлин, — заговорил Тедди, — к моему великому сожалению, нам придется поспешить, если мы хотим успеть на встречу с родителями. Такими темпами мы рискуем пропустить первый акт.

— Да уж, — отозвалась Ивлин, но не сдвинулась с места.

— Сидела бы лучше дома — там тебе самое место! — надрывался продавец каштанов. Он набрал полную пригоршню своего товара, остывавшего сбоку от жаровни, и швырнул суфражистке в лицо. Она снова увернулась, но с ящика не сошла.

— Ивлин... — поторопил Тедди.

— А ну уймись, Джимми, ясно тебе или нет? — подала голос еще одна женщина, стоявшая на пороге лавки за их спинами. — Мы тут вообще-то слушаем эту леди!

— Сама и уймись, тупая корова! — выкрикнул продавец, размахнулся и бросил последний каштан в сторону женщины.

Он попал точно в щеку Ивлин.

Позднее она говорила, что именно в этот миг приняла решение.

Ивлин Коллис было семнадцать лет. И как бы там ни воспевали этот возраст некоторые поэты, она относилась к нему как к бремени.

Она родилась второй из четырех детей. Ее девятнадцатилетний брат Кристофер, которого домашние называли Кит, уехал учиться в Оксфорд. Хотя Ивлин и считала себя обязанной любить брата и даже любила его, ее не могло не возмущать то, что именно брату доставалось все, чего она когда-либо хотела, притом доставалось без просьб, а он полученным даже не дорожил. Кристоферу все позволялось в более раннем возрасте, чем ей. Его отправили в частную школу, о чем втайне всегда мечтала Ивлин, и вот теперь родители оплачивали его университет, обучению в котором он как будто бы и не радовался. Последнее обстоятельство казалось особенно обидным с тех пор, как Ивлин обнаружила, что тоже хочет в университет, и не нашла ни малейшей поддержки и понимания ни в ком из родных.

Ивлин училась в маленькой школе без пансиона в Белсайз-Парке, где важными составляющими хорошего образования для девочек считались умение играть на фортепиано и бегло говорить по-французски. Но, в отличие от других школ, здесь ученицам преподавали также латынь и древнегреческий.

Эти уроки вела мисс Демпси. Ивлин любила и мисс Демпси, и Античность; ее приводила в восторг возможность заглянуть в мир тысячелетней давности. В конце последнего семестра мисс Демпси будто незначай обратилась к Ивлин:

— Вы не думали сдать вступительные экзамены в Оксфорд?

От неожиданности Ивлин уставилась на нее, вытаращив глаза. Девушки из ее школы редко поступали в Оксфорд. Сама она даже не мечтала о подобном. Она вообще редко задумывалась о будущем, если не считать смутного понимания, что когда-нибудь она выйдет замуж и обзаведется детьми.

— Нет, — мягко подсказала мисс Демпси. — Возможно, следовало бы.

Вот и все, что было сказано по этому поводу. Но однажды зароненное семечко начало прорастать в глубине души Ивлин.

Девушкам, учившимся в Оксфорде, дипломов не выдавали. Однако они могли ходить на лекции, сдавать экзамены и учиться тому же, чему обучались юноши. Ивлин уже догадывалась, что Античность в том виде, в каком о ней рассказывали ученицам ее школы, затрагивает лишь самый краешек мира знаний, который простирается бесконечно далеко. И ей уже не в первый раз отчаянно хотелось стать причастной к этому миру.

Ивлин попыталась объяснить это Тедди, но тот, хоть и отнесся к ней сочувственно, озадачился.

— Да, понимаю, все это ужасно несправедливо, — сказал он. — Но неужели это настолько важно? Образование девушкам совершенно ни к чему, если только они не намереваются раз и навсегда прекратить всякое общение с мужчинами и обучать грамоте каких-нибудь маленьких проказниц. А я надеюсь, в твои планы такое не входит.

Но Ивлин не могла объяснить, почему ей хочется в Оксфорд. Неужели для того, чтобы страстно желать чего-нибудь, обязательно нужна причина?

На Рождество она завела разговор об Оксфорде с мамой. Они вдвоем возвращались домой после бриджа, в который играли у одной из подруг мамы. Сыграли неплохо, что привело мать в благостное расположение духа, и Ивлин решила, что более удачная возможность поговорить ей вряд ли представится.

— Я беседовала с мисс Демпси насчет следующего года, — несмело начала она.

Миссис Коллис пропустила ее слова мимо ушей.

— Надо было догадаться про того туза у миссис Уэстон, — сказала она. — Иначе она не сделала бы ставку.

— Знаешь, — продолжала Ивлин, — мисс Демпси считает, что я могла бы поступить в Оксфорд, если бы захотела. Оказывается, она готовит девушек к вступительным экзаменам — то есть не в школе, конечно, а в свободное от уроков время.

— Вот как? — отозвалась мать. — Комплимент очень милый, дорогая. Непременно скажи об этом отцу, когда мы придем домой.

— Хорошо, — кивнула Ивлин. — Только... пожалуй, мне бы хотелось...

— Хотелось — чего именно, дорогая? — уточнила мать. — О, смотри, вон там викарий. Нет-нет, не надо ему махать, он опять захочет организовать киоск

на благотворительном базаре, а я после того раза просто не в силах.

— Поступить в Оксфорд, — выпалила Ивлин. — В следующем году. И учиться в каком-нибудь из женских колледжей. Мисс Демпси считает, что я смогла бы.

Мать взглянула на нее так, будто Ивлин потребовала личный автомобиль. Женщинам доступны лишь считанные профессии, и для них едва ли мог понадобиться диплом. С точки зрения матери Ивлин, университетское образование было просто-напросто дорогостоящим способом сделать дочь непригодной для супружества.

— Но, милая! — воскликнула она. — Чего ради?

— Я точно не знаю, — ответила Ивлин. — А разве нужна причина? Мне просто хочется, вот и все.

Она понимала, что как раз этого говорить и не следовало, но все равно продолжила, раз уж представился случай:

— Просто чтобы учиться разным наукам — ну, знаешь, латыни, греческому, древней истории и так далее. Очень полезно было бы иметь в семье человека, который разбирается в античной цивилизации, — тебе не кажется? И кстати, какой прок от университета Киту? Он ведь все равно будет работать у папы Тедди. Все уже решено.

— Но, дорогая! — снова сказала мать. Она слегка растерялась. Ивлин вот уже месяц почти об одном только Оксфорде и думала, а для ее матери эта идея была неожиданной. — Кристофер познакомится там с людьми, которые посодействуют ему в делах. Ему ведь самому придется зарабатывать себе на хлеб, а тебе — никогда,

даже задумываться об этом незачем. Этим женщинам из университета можно лишь посочувствовать. Я надеялась, что у тебя все сложится гораздо лучше — будет и муж, и семья, и свой дом. Неужели ты этого не хочешь?

— Я не знаю, чего хочу, — ответила Ивлин. — Я могла бы работать в компании, как Кит, или... — Она силилась представить себе карьеру, доступную приличной женщине. — Или, может быть, преподавать. Но разве это важно? Так или иначе, — с отчаянием закончила она, — я вовсе не считаю, что отказываюсь от семьи и всего остального. Я могла бы иметь мужа и вдобавок диплом. Тедди не станет возражать.

При упоминании Тедди матери полегчало. К этому юноше она питала самые теплые чувства, но до сих пор не знала наверняка, как относится к нему Ивлин.

— В том, что он не станет возражать, нет никаких сомнений, дорогая, — утешающе завершила она. — Тедди — славный мальчик. Но попробуй взглянуть с нашей точки зрения: учеба в Оксфорде стоит немалых денег. Почему бы тебе не подождать и не посмотреть, как ты будешь настроена в следующем году, когда закончишь школу? Полагаю, к тому времени ты уже увлечешься гольфом или еще чем-нибудь. Но если все-таки пожелаешь корпеть над никому не нужными древними языками, мы с твоим отцом найдем учителя латыни, чтобы приходил и давал тебе уроки. Обойдется гораздо дешевле, вдобавок ты сможешь остаться дома, а это намного приятнее, правда?

Ивлин не ответила. Она оцепенела от ярости и стыда за то, что не смогла объяснить причины собственного желания ни маме, ни самой себе. Мать тем

временем возилась с зонтиком, делая вид, будто не замечает, в каком состоянии дочь.

— Ну вот! — говорила она. — Того и гляди начнется дождь. Хорошо, что до дома уже рукой подать.

Ивлин пыталась совладать с собой, но не сумела и взорвалась:

— Но ведь это несправедливо! В самом деле, мама! Почему у Кристофера есть все, а у меня — ничего?

На это ее мать могла бы многое ответить. Но она ограничилась отговоркой, к которой прибегали матери и няни всего мира:

— Что ж, дорогая, ты ведь знаешь: жизнь несправедлива.

— Да, — согласилась Ивлин. — Но так быть не должно.

Из этих слов мама заключила, что разговор окончен. Но Ивлин была не согласна.

ЛЬВИЦА

— Так нечестно! Ничего более гадкого со мной в жизни не случилось! Ненавижу ее! И его ненавижу! Ненавижу всех этих негодяев!

Ивлин взвинтила себя до состояния бешенства, вышагивая туда-сюда по классной комнате и яростно скручивая перчатки. Причиной ее негодования послужил еще один разговор с родителями насчет Оксфорда — на этот раз она была вооружена чрезвычайно учтивым письмом от мисс Демпси. Разговор не сложился.

В отличие от папы Тедди — мистера Морана, владельца нескольких заводов, отец Ивлин мистер Коллис служил в правительственном учреждении, где занимался какой-то нудной работой, связанной с цифрами. И не имел лишних денег, чтобы разбрасываться ими, давая образование девчонкам, которые все равно выскочат замуж, как только закончат университет.

Тедди сидел в старинном кресле, перекочевавшем в классную комнату из детской, и держал на коленях альбом для рисования. Младшие сестры Ивлин, Хетти и Кезия, обожали этот альбом — в основном за рисунки с обнаженной натурой, о которых им не полагалось знать. В альбоме Тедди почти на каждой странице были девушки: с уроков живой природы, из чайной, из школы искусств — все до единой современные, утонченные, не признающие шляпок. Кезия, опаздывающая в школу и бегущая за автобусом. Хетти, свернувшаяся клубочком в старом кресле и в сотый раз перечитывающая «Маленьких женщин», со словами, словно слетающими с ее губ: «Как по-твоему, Ивлин, Джо должна выйти за Лори? По-моему, да. А если ты не выйдешь за Тедди, как думаешь, он женится на мне?» И десятки портретов Ивлин. Сердитая Ивлин. Задумчивая Ивлин. Ивлин в школьной юбке. Ивлин, одетая к званому ужину. Ивлин, раздраженно берущая аккорды на фортепиано. Ивлин читает. Ивлин хмурится. И редкий случай — Ивлин с лицом, озаренным улыбкой (такую Ивлин не видел почти никто).

Вот и сейчас он торопливо набрасывал карандашом ее портрет, схватывая румянец на щеках и терпеливые, быстрые движения ног. И думал прежде

всего о своем рисунке, да еще о том, как ему хочется вскочить и расцеловать ее — немедленно, в губы, просто чтобы посмотреть, как она к этому отнесется. Ее возмущенные возгласы он слушал лишь краем уха, но не настолько пренебрежительно, как могло показаться на первый взгляд, ведь она весь день твердила почти одно и то же.

Мистер Коллис и мистер Моран учились вместе. Тедди был самым младшим из трех сыновей в семье, неожиданным любимцем родителей, полагавших, что времена деторождения для них давно в прошлом. Его мать страдала нервными мигренями, в итоге Тедди большую часть раннего детства провел вне дома в обществе няни. В холодные или дождливые дни их отсылали в гости к Коллисам. В доме Коллисов Тедди мог съезжать по лестничным перилам, устраивать шумные игры в детской и кричать во весь голос. И, хотя в этом он никогда не признавался даже самому себе, он считал этот дом своим, особенно обставленную потертой мебелью детскую Коллисов, просторы их запущенного сада и Ивлин.

Тедди и Ивлин были помолвлены еще с тех пор, когда он носил короткие штанишки, а она — детские переднички. Серьезное предложение он сделал ей в прошлом году, но Ивлин только посмеялась. Замуж она собиралась еще очень не скоро.

Теперь же, когда Ивлин, строго говоря, была уже не девочкой, а девушкой, а Тедди — юношей, другая мать попыталась бы придать их отношениям больше благопристойности. Но миссис Коллис не решалась признать, что ее дочь взрослая. Предполагалось, что

летом Ивлин начнет выезжать в свет, носить длинные юбки и высокие прически, посещать приемы и балы и всячески демонстрировать свою готовность к вступлению в брак. Миссис Коллис понятия не имела, какво это — быть матерью девушки на выданье, и заранее переживала.

— О да, а как же, — рассеянно отозвался Тедди, уловив паузу в потоке слов и догадавшись, что должен заполнить ее ответом. — Чертовски нечестно. — Его карандаш шаркал по бумаге, вырисовывая ниспадающие волосы Ивлин.

— Дело ведь не только в Оксфорде! — продолжала Ивлин. — А во всем. Вы с Кристофером можете стать кем угодно! Путешественниками! Военными! Изобретателями! А девушки? Только гувернантками, учительницами, компаньонками или матерями.

Последнее слово прозвучало как ругательство. Тедди заметил:

— Не настолько все скверно. Современным девушкам доступно множество занятий. Ты могла бы стать женщиной-врачом, как миссис Гаррет Андерсон. Или писательницей... или художницей. В школе искусств учится много девушек.

— Нельзя просто взять и стать художницей или писательницей, — яростно возразила Ивлин. — Для этого нужно призвание или, по крайней мере, талант. А у меня его нет ни капли. И я не понимаю, каким образом я могла бы стать врачом, если все знакомство с естественными науками в моей школе исчерпывается прогулками на природе. И кстати, она не миссис, а доктор Гаррет Андерсон.

— Ты в любом случае могла бы выйти за меня, — мягко произнес Тедди. — А я отпустил бы тебя в Оксфорд.

— Балда, — выпалила Ивлин. Ей хотелось от досады топнуть ногой. — Речь не только обо мне, — растолковала она. — А обо всех нас! Обо всех женщинах! Как могут женщины жить вот так? Как женщины вроде мамы могут просто жить — словно им все равно? — Ее глаза гневно сверкали.

Она великолепна, думал Тедди. Как святая Тереза, или Жанна д'Арк, или какая-нибудь богиня — Афина или Диана, из тех, которые носятся на колесницах, исполненные праведного негодования. Желание поцеловать ее усилилось, от него трепетало все тело. Это не на шутку тревожило его.

— О да, — поспешил отозваться Тедди. — Скверное дело, как ни крути. — И он начал набрасывать львицу, и его львица следовала за нарисованной Ивлин. — Вот только, прошу меня простить, если твои родители запретили, что тут можно сделать?

— К чертям родителей! Речь не о маме с папой! — Она перестала вышагивать по комнате и повернулась к Тедди.

— Так вот оно что, — дошло до него. — Ты про суфразисток, да?

— А если и так, что из того?

— А-а. — И он повторил: — Вот оно что. — Он отложил карандаш и потер глаза, соображая, с чего начать.